

Богданович

С некоторых пор в советской России повелся обычай справлять литературные поминки во многих случаях, когда о настоящем, полном юбилее не может быть речи. Сейчас, когда литературная осведомленность пришла в упадок по обеим сторонам рубежа, когда настоящее так скудно, а каждая светлая страница прошлого так драгоценна, эта идея кажется мне удачной.

На днях исполнилось сто девяносто пять лет со дня рождения Ипполита Федоровича Богдановича: он родился в Малороссии, в местечке Переволочном, 23 декабря 1743 года по старому стилю, то есть по новому, с тогдашней разницею в одиннадцать дней, — 3 января 1744-го. Одиннадцати лет он был отвезен в Москву для учения. Обучался в Математической школе, но вскоре каким-то образом пристрастился к театру. Было ему лет семнадцать, когда он отправился к Михаиле Михайловичу Хераскову, бывшему тогда директором Московского Театра, с просьбой принять его в число актеров. В актеры он не попал, но с Херасковым, несмотря на разницу лет, подружился и под его влиянием стал писать стихи. Автор «Россиады» даже поселил его у себя.

Сердечная простота была и навсегда осталась его отличительною чертой. «Осьмнадцати лет, — **говорит его биограф**, — он казался еще младенцем в свете; говорил, что думал, делал, что хотел; любил слушать умные разговоры и засыпал от скучных. К счастью, поэт жил у поэта, который требовал от него хороших стихов, а не рабского соблюдения светских обыкновений... Богданович от искренности своей казался смелым; но если слово его оскорбляло человека, то он готов был плакать от раскаяния; чувствовал нужду в осторожности и через десять минут следовал опять движению своей природной откровенности». Был он до крайности «чувствителен к любезности женской», то есть влюбчив, но так же до крайности робок и нежен, а потому — «видел, обожал, краснелся — и вздыхал только в нежных мадригалах».

В 1765 году, отдавая дань гражданственным увлечениям эпохи, написал он поэму «Сугубое блаженство», в которой воспевал «спасительное действие законов и царской власти». Поэма вышла довольно длинная, напыщенная и скучная. Впоследствии Богданович к этому роду творчества почти не обращался, ограничив себя сердечною лирикой.

Год спустя он получил место секретаря посольства при Саксонском дворе и уехал в Дрезден, где, впрочем, держался в стороне от дипломатической жизни. По обязанностям службы он тщательно составлял описание германских конституций, но более занимался тем, что «гулял по цветущим берегам Эльбы и думал о Нимфах». Дипломат из него не вышел. Через два года он вернулся в Россию и тут при первой возможности вышел в отставку, хотя было ему всего двадцать пять лет от роду. Поселился он в Петербурге, «на Васильевском острове, в тихом уединенном домике, занимаясь музыкою и стихами в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более — возвращаться домой, где

Муза ожидала его с новыми идеями и цветами...» Он писал лирические стихи, переводил, издавал даже, как принято было в ту пору, небольшой собственный журнал «Петербургский Вестник», но главным образом трудился над произведением, которому было суждено принести ему славу у современников и потомства. Он писал «Душеньку», которую закончил в 1775 году, напечатал же только восемь лет спустя, и то лишь по настоятельному желанию друзей.

Тема этой «древней повести» не оригинальна. Она принадлежит к числу вечных, так называемых странствующих тем. В основу ее положен эллинский миф об Эросе-Любви и Психее-Душе. В живописи и скульптуре она трактовалась, кажется, даже чаще, нежели в поэзии. Из ее литературных обработок наиболее известна та, которая заключена в книге римского писателя Апулея — «Превращения, или Золотой Осел». Впрочем, апулеевский рассказ вряд ли даже был знаком Богдановичу, который в своей работе непосредственно пользовался позднейшей повестью Лафонтена.

Подражание Лафонтену у Богдановича очевидно и откровенно. Он взял у французского писателя весь план повести, повторив целые главы и многие отдельные образы. Вместе с тем «Душенька» значительно разнится от своего первоисточника, чем, разумеется, и обусловлена ее слава. Различия начинаются с самой формы повествования: Лафонтенова повесть писана поочередно то стихами, то прозой — «Душенька» вся состоит из стихов. При этом узаконенный XVIII столетием александрийский стих, то есть шестистопный ямб с парным чередованием мужских и женских рифм, Богданович отважился заменить «вольным стихом», в котором рифмы чередуются в произвольном порядке, по две и более, число же стоп в отдельных стихах колеблется от одной до шести, то есть в пределах минимума и максимума, допустимых самой природой ямба.

Критика XIX столетия ставила Богдановичу в вину то, что ему остался непонятен глубокий смысл мифа, положенного в основу повести. Суждение верное, но и несправедливое, потому что историческая обстановка в нем не принята во внимание.

Русский классицизм (или лжеклассицизм, как обычно его называют) был исполнен римского, а не эллинского духа. Рим учился у Греции искусству, но религиозное творчество, лежащее в основе этого искусства, было ему довольно чуждо. Религиозная идея в нем была поглощена государственной. Русские поклонники античного искусства, жившие в XVIII веке, в этом отношении были похожи на римлян. Сама поэзия была для них областью столько же художественной, сколько государственной деятельности. Более, чем поэтами, сознавали они себя насадителями просвещения, необходимого государственному бытию молодой послепетровской России. В лице Ломоносова это сознание достигло высшего своего выражения. Монархам и полководцам, созидателям государства, они посвящали свои громкозвучные оды не потому, что были льстецами, а потому, что были восторженными созерцателями этого созидания, отчасти даже участниками. Они не дерзали подвергнуть сомнению существование своего христианского Бога, но он у них выходил похож на римского Юпитера. Они и в Нем видели прежде всего Созидателя, Первого Двигателя и Правителя. О христианской идее, о религиозном творчестве христианства они не помышляли, как римляне не помышляли о религиозном творчестве Эллады, религию которой

исповедовали. Характерно, что излюбленными их поэтами были Гораций и Овидий. Из греческой поэзии они официально поклонялись Гомеру, но любили самого поверхностного и самого безбожного — Анакреона. Еще характернее, что эллинская трагедия, в которой наиболее сосредоточена и выражена именно религиозная жизнь Эллады, осталась им совершенно чужда, они ее не заметили. Единственным поэтом екатерининской поры, имевшим подлинную религиозную жизнь, был Державин, но и он всю силу веры и всю гениальность поэтического своего творчества вложил в образ Того Бога,

Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет.

Упомянув о «трех лицах Божества», он все-таки о втором и третьем лице не сказал ничего. Правда, впоследствии, как бы в дополнение к «Богу», он написал «Христа», но ни по глубине содержания, ни по достоинствам чисто поэтическим эта ода не может идти в сравнение с первой. На эту тему Державина не хватило духовно, и Мицкевич вряд ли был прав, когда усматривал в «Христе» одно из высших созданий христианского искусства.

Естественно, что Богданович так же мало вникал в философское и религиозное содержание мифа об Эросе и Психее, как скептический Лафонтен, которому он следовал. Миф сам по себе ничего не говорил ни тому ни другому — таков был век. Обои он послужил готовой изящной канвой, по которой удобно было расшить легкие узоры поэтической фантазии и житейских наблюдений. Еще менее, чем содержание мифа, говорили Богдановичу образы олимпийцев. Они у него снижены и пародированы, все, вплоть даже до самой Психеи, которая если не пародирована в полном смысле слова, то приближена к читателю при помощи необыкновенно изящной русификации. Дав ей русское, нежнейшее, ласкательное имя Душеньки, он и во всех повадках выставил ее русскою девушкой, подобно тому как Лафонтен ее офранцузил. Известный график Федор Толстой впоследствии иллюстрировал «Душеньку». Его рисунки, при всех достоинствах, слишком «классичны», слишком эллинизированы. Быть может, Венецианов лучше понял бы Богдановича. Во всяком случае, сама Душенька удалась бы ему превосходно.

Несерьезная повесть Богдановича имела серьезные литературные последствия: на фоне тогдашней русской словесности снижение героических и мифологических образов и сюжетов было шагом к реализму. Таким же шагом и в том же направлении было в «Душеньке» то, что она была первым русским поэтическим произведением, в котором автор дерзнул выказать свою личность просто, без пиитических условностей и драпировок. Не слишком глубокий ни в радости, ни в печали, слегка задумчивый, слегка иронический, мечтательный, легкий почти до невесомости, — сам Богданович в ней виден как на ладони. Таков же и самый стих, и слог ее — прежде всего воздушный, хотя для нас он теперь порою тяжеловат: тут опять-таки надо принять во внимание эпоху: русский язык в ту пору только еще образовывался. Эту ни с чем не сравнимую легкость «Душеньки» оценил Пушкин. Суровый, даже слишком суровый к русским поэтам XVIII столетия, он и в зрелом возрасте любил стихи

Богдановича, «как первой юности грехи», и в библиотеке своей хранил полное собрание его сочинений, а также отдельное издание «Душеньки».

«Душенька» имела успех чрезвычайный. Екатерина II читала «Душеньку» с удовольствием и сказала о том сочинителю: что могло быть для него лестнее? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели государей, старались изъявлять ему знаки своего уважения и твердили наизусть места, замеченные монархиною. Тогдашние стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы в честь и славу творца «Душеньки». Он был на розах, как говорят французы...

Несмотря на успех, Богданович после «Душеньки» писал мало, потому, вероятно, что в ней выразил себя до конца. Все, им написанное впоследствии, не может идти с нею в сравнение. Замечательно лишь его **трехтомное собрание русских пословиц**. Он был, таким образом, одним из первых русских фольклористов.

Некоторое время он служил в Государственном архиве, но в 1795 году вышел в отставку вторично и окончательно. Вскоре уехал он на родину, в Малороссию, где прожил два года. Однако поздняя и безответная любовь заставила его переселиться в Курскую губернию. Там жил он в совершенном меланхолическом уединении. Все его общество составляли кот и петух. 6 (18) января 1803 года он умер так же тихо, как жил. Под портретом, приложенным к собранию его сочинений, изданных в 1818—1819 годах, помещено двустишие, легкое, как его поэзия и как весь его образ:

Зефир ему перо из крыл своих давал,
Амур водил пером — он «Душеньку» писал.

КОММЕНТАРИИ

«Богданович». — Возрождение. 1939. 20 января.

Автор обработал для этой статьи свою давнюю «вступительную заметку» к изданию «Душеньки» в серии «Универсальная библиотека» (М., 1912).

...говорит его биограф... — Н. М. Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» («Вестник Европы». 1803. № 9). Ходасевич, видимо, цитирует ее по «Сочинениям Богдановича» (М., 1818. Ч. I. С. 14—16), на которые он далее ссылается.

...трехтомное собрание русских пословиц. — Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. Ч. 1—3. СПб., 1785. Пословицы здесь переложены в стихи и распределены по нравоучительным рубрикам.

С. Г. Бочаров